

Суровый дух Сибири в центральной полосе — концерт Манагера в Липецке

Олег Судаков был одним из самоотверженных людей из числа той молодёжи восьмидесятых годов, которая являлась лицом сибирского панка. Не принявшие общественные устои, под страхом преследования со стороны советской власти они были объединены общей идеей: играли жёсткий, агрессивный панк-рок с социально острыми текстами. Манагер и его братья по оружию, такие, как Егор Летов, Янка Дягилева, Вадим «Чёрный Лукич» Кузьмин, Роман Неумоев, начинали свой путь с записи подпольных магнитоальбомов, которые распространялись по городам Сибири. Так они отважились выразить своё независимое мнение относительно тоталитарной системы.

С тех пор уткло немало времени, произошли изменения в политическом строе, в обществе. К сожалению, нет в живых уже ни Янки, ни Егора... В прошлом году неожиданно для всех ушёл и Чёрный Лукич...

Прикоснуться к легенде, а именно проникнуться духом того времени, когда всё начиналось, когда происходило становление сибирского панка, через призму нынешнего восприятия попытаться понять темы, которые были актуальны для тех лет, всегда интересно. Такая возможность выдалась в прошлое воскресенье всем, кто пришёл на сольный концерт Манагера в клуб «Гриль Хаус».

Манагер порадовал зрителей весьма горячим, почти трёхчасовым акустическим концертом. Он играл столь ярко, что даже порвалась пятая — толстая — струна на его гитаре. Прозвучали песни разных лет: из далёких восьмидесятых, постсоветского периода, те, что были написаны Олегом в группе «Родина», из репертуара команды «Коммунизм», новые композиции, а также песни друзей — Егора Летова и Вадима Кузьмина.

Перед концертом Олег Судаков дал интервью «Культурному сайтику».

— Расскажите, пожалуйста, о том, что вы играете.

— Музыка, которую я исполняю, в большинстве своём горячая, несмотря на акустику, реже бывает спокойная. А программа, как правило, состоит из очень старых песен, не очень старых песен, нескольких песен из творчества группы «Коммунизм», частично — новых песен. Они иногда пишутся, иногда не пишутся. В этот тур были включены новые вещи — я решил их обкатывать, невзирая ни на что, просто брать и играть.

— Что вас вдохновляет больше всего на творчество?

— Как правило, это какое-то яркое, необычное событие. Это может быть и мысль, и буквально событие как таковое, и настроение. И когда все эти вещи совпадают: настрой, желание, неожиданное какое-то откровение, может выйти песня.

Классический для меня пример. Это было давно. Прочитал я главу Солженицына из книги «Архипелаг ГУЛАГ» о том, как казаки из армии Власова бросались с моста, когда их депортировали обратно из английской и американской военных зон в советскую зону, чтобы отправить в ГУЛАГ. Мне показалось это довольно диким — сам по себе факт такого стечения обстоятельств, когда люди не желают вернуться на родину и должны выбирать на чужбине даже смерть. Это меня очень сильно поразило. Подобное бывает в жизни, допустим, люди совершают суицид или... Вот это кошмарное стечение обстоятельств, когда ты не можешь сделать то, что ты хочешь сделать, а должен делать совершенно противоположное, хотя, на самом деле, ты не обязан этого делать. Вот такой парадокс. Я сел и за десять минут написал песню «Армия Власова».

— Олег Михайлович, на ваш взгляд, какие условия в настоящем в России могут поспособствовать возникновению таких энтузиастов, какими были вы, Егор Летов, и те сибирские рокеры восьмидесятых годов? Что может подействовать на нынешнее поколение музыкантов, чтобы у них был подобный дух?

— Музыкантов хороших очень много и сейчас, и десять лет назад было. Если говорить буквально: чтобы возникли люди, соизмеримые с Егором, с Янкой, с Ромычем (Роман Неумоев — прим. автора), способные выйти на всероссийскую известность, известность среди стран СНГ и на какой-то высочайший уровень, нужно особенное потрясение... В принципе, у меня есть одна теория на этот счёт. Вот Россия, или СССР, или царская империя — это страна, в которой примерно раз в 30 — 40 лет случаются всевозможные потрясения. Можно брать любое время и событие. Например, войну 1613 года с поляками. Если откручивать по 30 — 40 лет вперёд, то обязательно попадёшь на какое-нибудь потрясение — будет ли это царь Пётр, или царь Павел, или 1917 год, или распад СССР. И вот так совпало сейчас, что Россия фактически двадцать три года существует после распада советского союза, но сменилось только одно поколение. По моему разумению, должно смениться, как минимум, два поколения в стране, чтобы во втором поколении, которое повзрослеет, или может даже чуть-чуть позже, возникло ощущение, что эта страна существует уже давно, что в ней успела сложиться традиция.

И вот, когда это происходит, в каком-то слое людей, в какой-то местности случается прорыв. Тут даже, наверное, не очень важно, где это может произойти. Концентрируется вся мощь парадоксов или конфликтов, которые есть в обществе, и выплёскивается через какого-то музыканта.

То есть, это что-то вроде таких «юродивых» (в хорошем смысле этого слова), которые могут говорить правду, говорить не по-учительски, а на языке, понятном всем, где переплетается

жизненное и высокое, философское и житейское в такой манере, что кажется, что только так и можно мыслить.

Когда возникла сибирская волна, случился такой выплеск. Музыканты были и в Москве, и в Питере, и в Свердловске, и в Харькове. Это было 60 или 70 лет спустя, как СССР существовал, примерно в середине 70-х годов. Когда люди вдруг стали понимать, что им есть, что сказать, а за этим стоит традиция СССР — вся её конфликтная, положительная, отрицательная составляющая. На этом стыке возникли и Борис Гребенщиков, и Пётр Мамонов, и Сергей Жариков. Все по-разному, со своих концов, ну, и у нас в Сибири наша часть музыкантов стали изъясняться, показывать... И это вдруг зазвучало могучим таким трубным зовом. Потом это неожиданно прекратилось, СССР распался, возникли тяжёлые события, такие, как обстрел Белого дома, коррумпированная жизнь конца 90-х — начала 2000-х, все эти переделы...

И пока в настоящем времени человек не способен внутренне выразить что-то (а люди сами не очень готовы на таком языке это всё воспринять), пока всё ещё рыхло и только устанавливается. Что-то может произойти ещё лет через двадцать.

— Что вы могли бы пожелать людям, которые сейчас живут в России?

— Я всегда желаю людям быть честными по отношению к самим себе. Когда человек может сказать себе, наедине с собой, когда нет ни жены, ни друга, ни каких-либо обязательств: «Ради чего ты живёшь? Что для тебя самое важное?». Неважно, что под этим будет подразумеваться: зарабатывание денег, любовь к женщине, познание бытия... Темы, цели самые разные могут быть, но важно, чтобы человек чётко и точно мог сформулировать, что он именно хочет, чего он желает, ради чего он готов жить, чем-то жертвовать. Вот тогда жизнь станет осмысленной. Вот это, мне кажется, главное — мотив. Потому что мы очень

часто путаемся.

Нам говорят — вот это нужно сделать, а мы подразумеваем, что мы это обязаны сделать. А на самом деле что-то из этих «обязательных» вещей просто не надо человеку.

Во всяком случае, в такой мере. И человек себя просто перегружает. Начинает обламываться, раздражаться, впадать в депрессию, сам того не ведая, роет себе яму. Он просто до конца не откровенен или не решается сказать себе, что это — не моё, мне это не нужно, это — чужое, постороннее.

Если понять, что тебе действительно надо, то жизнь станет проще. Все диалоги, разговоры, действия, поступки будут иметь особый вес. Каждый будет знать, что и почему он сделал, и будет в ответе — словом или действием — за перчатку, которую ему бросят или, наоборот, за похвалу.